

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИКАЗНОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ XV–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Терминологический подход к изучению проблемы приказного делопроизводства и его зарождению предложил И. И. Вернер, являвшийся исследователем еще дореволюционной эпохи. Термин «приказано» (поручено) применительно к институтам государственного управления, по мнению И. И. Вернера, означал поручение, имеющее личный характер, и одновременно мог обозначать должность, наделенную определенными полномочиями. Приказное управление, по И. И. Вернеру, представляет собой систему учреждений, каждое из которых обладает чертами, позволяющими говорить о них как о постоянных ведомствах, а именно: «государственная компетенция», «функциональная определенность полномочий», «состав ведомства», «полномочия должностных лиц», «делопроизводство». Историю приказов, как постоянных ведомств, следует, по мнению И. И. Вернера, начинать с появления дьяков в качестве постоянных, специально назначенных и необходимых работников управленческих структур, что и произошло в конце XV–начале XVI в.¹

В конце XV в. упоминаются Казенный и Конюшенный, в 1501 г. – Дворцовый приказ; примерно тогда же возник и Ямской приказ и было положено начало Посольскому приказу. В первой четверти XVI в. появился Разрядный приказ. Зародышем новой системы управления, по мнению А. А. Зимина, стала личная великокняжеская канцелярия: Казна, с ее дьяческим аппаратом, вербовавшимся не из бояр, а из дворянства. В середине XVI в. увеличение удельного веса дворянства в экономической и политической жизни привело к торжеству приказной организации центрального управления, в которой решающую роль уже играли дьяки.

Актный материал, имеющий непосредственное отношение к зарождению новой управленческой системы, появляется в конце XV–начале XVI в. Нельзя не отметить, что изучение Л. В. Черепниным Судебника 1497 г. и его выводы относительно статей боярского суда не могли не привлечь внимание исследователей к данной проблеме. А. Е. Пресняков также видел в реформировании судебной системы явное перерождение системы государственного управления на рубеже XV–XVI вв. Его рост вызвал неизбежное усложнение всей правительственной работы, которая потребовала ряд организационных ме-

¹ Вернер И. И. О времени и причинах образования московских приказов. СПб, 1907. Вып. 1. С. 3–30.

роприятий. «Суд великого князя» стал ведомством, к которому был отнесен суд по всем делам над привилегированными землевладельцами, духовными и светскими, а по важнейшим делам и над населением их вотчин; к нему же восходят в порядке доклада дела из наместничьих судов. Он был лишь формально его самоличным судом, и формула «сужу аз, князь великий, или кому прикажем» свидетельствует о централизации в Москве обширного круга судных дел в зарождавшихся учреждениях приказного типа.

Методы и выводы Л. В. Черепнина были также подвергнуты критике К. В. Петровым. Как известно, Черепнин исходил из предположения о том, что рассматривать нормы Судебника 1497 г., в том числе ст. 2, следует лишь в той мере, в какой им соответствуют сохранившиеся акты-источники. Все многообразие правовых актов позволяет, как считал Л. В. Черепнин, сделать следующие выводы: в ст. 1 конституируется суд бояр, боярской коллегии как последней инстанции. В качестве примера практической реализации нормы ст. 1 исследователь привел правую грамоту, данную архимандриту Симонова монастыря Феогносту. Между тем, текст акта не дает возможности для такого вывода, прежде всего потому, что отсутствует «боярская коллегия» и нет данных, указывающих на то, что судья здесь выступает в качестве последней инстанции¹. Петров считал, что аргументы Л. В. Черепнина не дают оснований говорить о суде боярской коллегии, значит в ст. 2 нельзя видеть текст законодательства, т. к. институт доклада и практика назначения специальных судей были известны еще до Судебника 1497 г. Следовательно, ни утверждение о тенденции к централизации суда, ни тезис об отсутствии в ст. 2 указания на оформление приказного управления нельзя считать доказанными. Не являясь противником всех положений Л. В. Черепнина, Петров указывал на то, что они в равной степени не доказаны.

Кроме того, попытку «идти от источника», предпринятую Л. В. Черепниным, он тоже считал неудачной. Причин этому несколько. Во-первых, априорные соображения позволили ученому увидеть в актах то, что в той или иной мере их подтверждало. Во-вторых, Л. В. Черепнин упустил из внимания тот факт, что совокупность сохранившихся правовых актов, являющихся результатом деятельности судов, не может считаться репрезентативной: их количество крайне незначительно. Помимо этого, большинство актов посвящено земельной собственности, т. е. имеют объектом спора недвижимость и права на нее. В подавляющем большинстве документов одной из сторон, в качестве истца или ответчика, выступают духовные феодалы, что в конечном итоге предопределило сохранность документов. Однако в любом обществе земельные правоотноше-

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1948. С. 322.

ния не являются доминирующими, а судебные документы, их регулирующие, не могут определять характер фонда судебных актов в целом.

Не менее важным обстоятельством, по мнению Петрова, является характер самой правовой нормы, заключенной в ст. 2 Судебника. Она адресована правоприменителю (судье) и носит регулятивный характер, указывая на варианты действий судьи в том случае, если по той или иной причине он не может принять иск к производству. Это означает, что не может существовать такого документа, на основании которого можно было бы проиллюстрировать действие нормы ст. 2, т. к. любой судебный акт есть материальное выражение деятельности суда, например, в форме искового производства. Таким образом, следует «идти от источника» иного, нежели акты, – от текста ст. 2¹.

Хотелось бы подвести итог: достаточно узкий круг актовых материалов начала XV в., касавшийся системы зарождавшегося приказного делопроизводства, вызывал серьезную полемику среди исследователей, занимавшихся данной проблемой. Имеются различные толкования этих документов, что влияет на формирование различных исторических гипотез.

Кожевникова Л. М., КГУ

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕПИСКИ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА С ВЕЛЬЯМИНОМ СТЕПАНОВЫМ И КНЯЗЕМ ФЕДОРОМ ИВАНОВИЧЕМ ЕЛЕЦКИМ В 1595 И 1597 гг.

Русско-сибирские отношения в период колонизации Сибири и сегодня остаются одной из актуальных проблем отечественной истории. Особый интерес вызывают письменные источники данного периода, представляющие собой делопроизводственные документы, а именно грамоты и отписки. Грамоты – это царские указы, посылаемые из приказов на места боярам, воеводам, приказным людям. Отписки – документы, поступавшие от воевод в приказы, которые в свою очередь либо предоставляли их царю, либо делали на их основании для царя доклады.

Рассмотрим три документа, а именно: «Отписка отправленного в Казачью Орду посланника Вельямина Степанова ц[арю] Федору Ивановичу с Яика с описанием пройденного им пути» (1595 г.), «Отписка возвращающегося из Казачьей орды русского посланника Вельямина Степанова ц[арю] Федору Ивановичу из Тетюш с извещением о выполнении им своей миссии» (1595 г.) и «Царская грамота тарскому воеводе кн[язю] Федору Борисовичу Елецкому с това-

¹ *Петров К. В.* Приказная система управления в России в конце XV—XVII вв. и нормативно-правовое обеспечение ее деятельности. СПб., 2005. С. 39–41.